

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

Пробить камень

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Пробить камень / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Возвращение Турецкого)

Едва не погибший от взрыва в детском доме Александр Турецкий лежит в госпитале, но жаждет действия. Он предлагает своему шефу, заместителю генпрокурора Меркулову, разыскать бывшего «солдата удачи» Плетнева, воевавшего в Анголе, который может подсказать происхождение и значение амулета, найденного после взрыва на куртке Турецкого. В этом Меркулову помогает жена Турецкого. Плетнев неофициально включается в расследование, но неожиданно Меркулова отстраняют от дела: оказывается, он привлечен к расследованию «оборотня в погонах».

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

2006 год	6
ТУРЕЦКИЙ	6
МЕРКУЛОВ	10
2005 год	20
ТУРЕЦКИЙ	20
КОЛОМИЕЦ	25
КАЗАКОВ	26
ФИЦПАТРИК	28
ПЛОТНИКОВ	30
БУЦАЕВ	33
ПЛОТНИКОВ	35
ТУРЕЦКИЙ	36
2006 год	38
ПЛЕТНЕВ	38
ЩЕТКИН	40
ПЛЕТНЕВ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Фридрих Евсеевич Незнанский

Пробить камень

Студия «Уорнер» могла купить дюжину хижин по сорок или пятьдесят долларов за штуку. Вместо этого они построили свои собственные, ненастоящие. Это была платформа с одной-единственной стеной, так что, когда вы открывали дверь и выходили из хижины, вы шагали прямо в океан. Когда они строили это, в первый же день приплыл на своей пироге, выдолбленной из целого ствола дерева, рыбак. Он просидел весь день под палящим солнцем, наблюдая, как странные белые люди строят эту странную ненастоящую платформу. На следующий день он вернулся на своей пироге со всей семьей – женой с грудным младенцем, другими детьми и тещей, – и весь день под палящим солнцем они сидели и смотрели на эту дурацкую и непонятную работу. Я был в Новом Орлеане два или три года спустя и слышал, что рыбаки все еще приезжали за много миль, чтобы посмотреть на эту имитацию деревни ловцов креветок, которую белые люди строили и бросили.

«ЖЗЛ», Уильям Фолкнер

Намерение пробивает камень.
Китайская пословица

2006 год

ТУРЕЦКИЙ

Меркулов готовил себя к разговору не столько с Турецким, сколько с его женой. В принципе он это делал регулярно – перед каждым посещением Турецкого, но так же регулярно никакого разговора и не случалось. «Так чего доброго, – думал Константин Дмитриевич, – Саша выздоровеет, а я ничего Ирине и не скажу». То есть, конечно, и слава богу! И скорей бы он поправился! Но все же дружеский долг требовал помимо всего прочего каких-то слов поддержки, но именно они-то при каждой новой встрече неизменно застревали у Меркулова в горле, и выходило так, что, скорее, это Ирина его успокаивала. Удивительная все-таки женщина.

В голове у него была примерно такая фраза: «Понимаешь, Ирочка... (вопросительный взгляд Ирины) бывают времена, которые просто нужно пережить. Такое случается со всеми. (Сдвинутые брови.) Рано или поздно плохие времена заканчиваются, и оказывается, что человек жив, здоров и может оглянуться на них и разобраться, в чем же тогда было дело (улыбка, слезы, улыбка и т. д.)». В общем, такие примерно слова.

Меркулов открыл дверь реанимационного бокса, миновал сестринский пост – кивнул хорошо уже знакомой дежурной – и пошел дальше по коридору, стараясь не оглядываться и не смотреть по сторонам. Ему приходилось бывать в реанимации, однако сейчас Константин Дмитриевич чувствовал себя в этом месте особенно некомфортно. Одно дело идти допрашивать свидетеля или подозреваемого (что тоже, в общем, в таких условиях происходит без особого восторга), совсем другое – навещать близкого друга.

Меркулов вошел в палату, стараясь ступать с пяток на носки – максимально неслышно. Ирины не было.

Турецкий лежал с закрытыми глазами. В правой руке у него был резиновый мячик. Лицо было бледным, с желтоватым оттенком. Не открывая глаз, Турецкий сказал:

– Здорово, Дмитрич, ну как ты там?

– Я-то ничего, – несколько удивленно ответил Меркулов. – Что мне сделается? А вот ты как?

– Ничего. Садись...

– Привет, Саша. Ты научился видеть с закрытыми глазами?

– Скорее, слышать. Садись же, говорю.

Меркулов взял стул, стоявший у стены, и подвинул его поближе. Сел. Турецкий, на его взгляд, сегодня выглядел неплохо, чтобы не сказать бодро.

– Очень рад, что...

– Я тоже, – перебил Турецкий. – Сигарету дай. Только не говори, что нельзя. Я целыми днями слышу: то нельзя, это нельзя. А что, спрашивается, можно? Мячик давить... – Турецкий вдруг кинул его в стену, мячик отскочил, и Турецкий поймал его – по-прежнему не открывая глаз.

– Как ты это делаешь? – изумился Меркулов.

– Много свободного времени, – доходчиво объяснил Турецкий. – Так ты привез мне сигареты?

– Привез, – вздохнул Меркулов после долгой паузы. – Я же знал, что ты не отстанешь. Только...

– Что – только?

– В машине оставил. Потом принесу.

Турецкий приоткрыл один глаз и оценивающе посмотрел на друга и шефа.

– Не врешь?

– Нет. «Парламент» легкий, две пачки. Смолы...

– Шесть миллиграмм, никотина – полмиллиграмма.

– Точно. Только обещай, что будешь потихоньку. Чтобы Ирина не заметила.

– Ладно.

Меркулов спохватился:

– Ну и доктора, конечно! Хотя, честно говоря, не знаю, как это тебе удастся.

– Черт, да говорю же – ладно! Давай лучше о делах. Что ты думаешь о нашем фигуранте?

– Да ведь никакого фигуранта пока что нет.

– В том-то и дело. Ты должен его найти. Точнее, для начала понять, кто он.

– Легко сказать! – вздохнул Меркулов. – Или, может, у тебя есть готовая кандидатура?

– Кандидатуры нет, но есть кое-какие идеи. Я сегодня размышлял и понял одну простую штуку. Она, собственно, на поверхности лежит, может, потому мы на нее внимание и не обращаем. Производство «живых бомб» ведь минимально затратно: похитили девушку, и через месяц обработки она уже обречена. Стандартный пояс смертницы стоит чуть больше ста долларов. Значит, с деньгами у него все в порядке. Понимаешь?

– Ты это к тому, что он работает не один?

– С девочками, скорее всего, он сам работает. Но в принципе да, он не один. В этом я уверен.

– Твою уверенность к делу не пришьешь... Друзья помолчали. Паузу прервал Турецкий:

– Скажи мне, Костя, ты помнишь Плетнева? Меркулов недоуменно уставился на него:

– Какого Плетнева? Пианиста, что ли? И дирижера?

– Какого, к черту, пианиста?! Бедолагу, который за свою жену мстил.

Меркулов задумался на мгновение:

– А, ну да, конечно помню. Жуткая история. Антон, кажется?

– Антон, верно. Ты можешь найти его? Чего молчишь? Можешь ведь?

– Я много чего могу. А что такое?

– Найди его и покажи ему вот это...

– Мячик?

– При чем тут мячик? – Турецкий разжал вторую руку. На ладони у него лежала фигурка, вырезанная из черного камня, – тот самый амулет, что зацепился за куртку Турецкого во время взрыва, – какой-то языческий божок с жутковатой физиономией. – Плетнев мне рассказывал, что воевал в Анголе в восьмидесятых... Ну, в смысле, консультировал там повстанцев. А это, – Турецкий приподнял амулет на постели, – боевой амулет как раз из тех краев. Он, скорее всего, принадлежал девочке-террористке. Пусть Плетнев что-нибудь вспомнит из своего боевого прошлого... Может пригодиться.

Меркулов взял у него фигурку, хмыкнул скептически, но ничего не сказал.

Бодрость Турецкого оказалась эфемерна: он обессиленно откинулся на подушку.

– Представляешь, Костя, ноги не ходят... Никогда себя таким беспомощным не чувствовал... Ну, ничего – он пожимал мячик, – я еще на руках ходить буду... Так ты его найдешь?

– Зачем нам Плетнев? Обычно цель террористического нападения – достижение максимального политического эффекта.

– Да, обычно это так, – кивнул Турецкий. – Но стопроцентной гарантии дать нельзя. Сейчас главное – понять, кто проводил эту операцию и почему она была проведена именно таким образом. И я спрашиваю: ты поедешь или нет?

– Я вроде не тороплюсь пока, – притворно обиделся Меркулов.

– Я не о том, – с досадой сказал Турецкий. – Плетнева найдешь?

Меркулов вздохнул:

– Саша, давай смотреть на вещи трезво. Чем нам сможет помочь Плетнев? Насколько помню, его же невменяемым признали, он два года в Институте Сербского провел. Едва ли он сейчас...

– Может, ты и меня считаешь невменяемым? – перебил Турецкий. – Костя, я знаю, о чем говорю! Этот амулет – не случайность, я уверен! А вдруг какая-то секта, помешанная на культах... Всякие там вуду-шмуду. Африканские страсти.

Меркулов хмыкнул:

– Очень интересная теория для представления присяжным. Но ты сам знаешь, что все никогда не удастся объяснить. Причем в любом деле. И даже без колдунов. Ничем нам Плетнев не поможет. Он – Джеймс Бонд, а тут Шерлок Холмс нужен. И Эркюль Пауро. То есть ты да два веселых гуся. – Меркулов бодрился искусственно, он вовсе не думал, что Турецкий в его нынешнем состоянии на что-то годится.

Турецкий поморщился:

– Какие там присяжные, какой там суд! Давай сами сначала разберемся. Я уверен, искать надо среди наших бывших головорезов-интернационалистов.

А тут Плетнев как раз сумеет нам помочь. – И безо всякого перехода он вдруг сказал: – Как-то китайский император шел по ночному лесу домой. И увидел тигра, который уже готов был прыгнуть на него. Император выстрелил в тигра из лука. И убежал. Но утром он вернулся посмотреть, что с тем тигром стало. Когда он подошел к нему, то понял, что пробил стрелой камень. Какой вывод сделал император?

Меркулов удивленно смотрел на Турецкого – что все это значило?! Что еще за восточные премудрости? Турецкий подмигнул. Тогда Меркулов оглянулся. В дверях стояла Ирина Генриховна и укоризненно качала головой.

Турецкий расплылся в улыбке, хотя чувствовал себя явно не лучшим образом – лоб у него был весь в испарине:

– Ирка, ну, прости, прости! Я злостный нарушитель режима, все про себя знаю! Хочешь – позови сестру, и пусть мне в наказание сделают витаминный укол. Побольнее! Собственно, по-другому они тут и не могут.

– Так какой вывод он сделал? – вдруг с интересом спросила жена.

– Кто?

– Император.

– Намерение пробивает камень! – торжественно заявил Турецкий. И быстро добавил: – Костя, и держи меня все время в курсе, слышишь?!

– В курсе чего? – встрепенулась Ирина Генриховна.

Меркулов лишь вздохнул, правда, отметив про себя, насколько напористый и властный у Турецкого был сегодня тон. Будто не с того света выкарабкивается, – всего лишь прилег отдохнуть человек, просто после обеда. Сиеста. Заслуженный, хотя и необязательный отдых. Обычное дело...

– Ирка, – сказал вдруг Турецкий, – а ты помнишь свой сон? Ну, тот, про шахидку, которая меня взорвала, – помнишь же, рассказывала?

– Что за сон? – удивился Меркулов.

Ирина молчала. Но, судя по выражению ее лица, она определенно вспомнила, о чем речь. Да вряд ли и забывала.

– Еще с год назад ей что-то такое снилось, – ответил за жену Турецкий.

– Ну, – отмахнулся Меркулов, – мало ли что когда кому снилось!

– Там еще какое-то продолжение затейливое было, – не успокаивался Турецкий.

Ирина, однако, тему развивать не пожелала...

Когда они наконец ушли, Александру Борисовичу почти сразу стало плохо: тело охватила сильная слабость, голова кружилась, на лбу выступил холодный пот. Он с отвращением прислушивался к жалобам своего тела. Дурнота все никак не проходила, казалось, что в желудке у него лежит камень, сердце билось быстро и неровно... Эх, только бы уснуть. Турецкий с досадой нажал на кнопку вызова медсестры – укол в самом деле теперь был необходим.

МЕРКУЛОВ

Они были уже во Владимирской области. Проехали населенный пункт Киржач, стоящий на берегу одноименной речки.

Несмотря на все окружающие признаки жизни и относительной цивилизации, Меркулов остро сознавал, что вокруг стоит мертвенный покой. А взять ту же Москву – в шесть утра она уже бурлит. Нет, все-таки сельский мир напрочь лишен всякого звукового – человеческого и промышленного – резонанса. Что как раз и делает его весьма симпатичным для оздоровительных наездов в наугад арендованный дом или воскресных вылазок, но... решительно непригодным для человеческого существования. Сельские жители, разумеется, думают иначе: дай им волю, они бы выстлали мхом Красную площадь и запустили бы плющ по стенам ГУМа...

Так думал Меркулов, сворачивая с шоссе на проселочную дорогу, и почти сразу же машина остановилась. Ирина вопросительно посмотрела на него.

– Просто я не уверен в траектории нашего движения... – пробормотал Константин Дмитриевич и полез в бардачок за картой.

– Так, может, не стоило отпускать водителя? – спросила Ирина вполне невинным тоном. Эту тему они обсуждали, когда выехали из Москвы, около получаса.

– Что сделано, то сделано. И водитель мой эту местность тоже не знает. Он – по Москве узкий специалист. Сейчас разберемся.

– Понятно, – насмешливо протянула Ирина. – Все вы – узкие специалисты.

– Зато – хорошие, – веско сказал Меркулов и сунул карту обратно. – Все правильно. Лучше вот что мне скажи... Ириш, ну зачем тебе это надо? Тебе сейчас отдыхать нужно не меньше, чем Сашке. Ты столько перенесла за последнее время. А тут еще такие поездки... – Ирина не отвечала. – Вообще не уверен, что мы эту деревню найдем до вечера... Ладно, поехали, – резюмировал Меркулов, поскольку никакого впечатления его слова на спутницу не произвели.

Дорога начала подниматься в гору. Кругом были засеянные поля, к ним отлого спускались еще недавно желтоватые склоны – это была выгоревшая трава. Пашни ползли вверх по откосам. Теперь, когда они забрались выше, ветер сильнее колыхал колосья. Дорога была белая и пыльная, и пыль поднималась из-под колес и повисала в воздухе за машиной.

– Как называется деревня, я забыла, – спросила Ирина, – что-то там про клоунов?...

– Скоморохово.

Она вытащила карту, поизучала ее немного и безапелляционно заявила:

– Во-первых, если мы тут срежем по лесу, то выедем на этот участок... Наверняка это и есть ваше Скоморохово.

– А во-вторых?

– А во-вторых, вам придется смириться с моим присутствием.

Меркулов промолчал. Ирина продолжала теперь другим тоном – гораздо более мягким:

– Константин Дмитриевич, вы же сами видите, как Шурка мучается от бездействия... А я его лучше вас знаю...

– Значит, ты не против, чтобы он работал?

– Конечно нет. Это хорошо, а то превратится в такую собаку в очках.

– Как это? – удивился Меркулов.

– А вы не слышали? Это сейчас модно – собаки в очках. Мне недавно дочка из Англии звонила, рассказывала. У них там собаки в очках ходят.

– Но зачем?!

– В домашних условиях собака живет дольше обычного, и к продленной старости происходит атрофия мышц, контролирующих восприятие солнечного света. Результат – собаки

категорически отказываются выходить на улицу. Вот и изобрели для них такие специальные окуляры... И потом, это суть мужской психологии – он сам себя съест и угробит здоровье, которого и так осталась самая малость. Я не могу ему это запретить. Что тогда мне остается? Только помогать. Пусть считает, что не болеет, а действует. К тому же... – Она замолчала.

Хотя Меркулов и ожидал услышать что-то в таком роде, он все же глянул на нее с легким удивлением. Жена Турецкого собирается активно ему помогать разбираться в его бредовых идеях? Это было что-то новенькое!

– К тому же? – напомнил Константин Дмитриевич.

– К тому же вы не слишком-то умеете разговаривать с людьми. Только приказы отдаете. Тут уж Меркулов не выдержал и возмутился:

– Ну уж это извините!

Ирина сообразила, что перегнула палку.

– Простите... Просто я сейчас не могу по-другому, поймите меня, Константин Дмитриевич!

Некоторое время оба молчали. Меркулов определенно тяготился этим молчанием больше. Он вообще с неудовольствием поймал себя на каком-то ученическом чувстве по отношению к Ирине, можно было подумать, что он нерадивый троечник, а она его классный руководитель. А ведь Ирина моложе его почти на два десятка лет...

– Константин Дмитриевич, я бы очень хотела быть вам полезной, – проникновенно сказала Ирина.

– Это я понимаю, – ворчливо отозвался Меркулов. – Поэтому ты поперлась со мной в эту тьмутаракань и пьешь из меня кровь.

– Да нет, я в широком смысле.

– В широком смысле?! – притворно ужаснулся он. – Что же от меня тогда останется?

– Вот напрасно вы не воспринимаете меня всерьез. Кроме того, что я жена Турецкого, я все-таки еще...

– Музыкальный педагог.

– При чем тут это? Я психолог. Знающие люди находят у меня неплохие профессиональные задатки.

– Правда?

– Да.

Черт его знает, в самом деле, подумал Меркулов. Вдруг посторонний человек с непредвзятым мышлением на что и сгодится?

– Хорошо... Мы, Ирочка, видишь ли, ловим какого-то психа...

– Я уже поняла, к сожалению.

– Не перебивай. Так вот. Сделай мне доклад о природе агрессивности.

Ирина деловито достала блокнот.

– Ну что ты там записываешь? – с досадой отозвался Меркулов на это ее движение. – Я уже все сказал.

– «О при-ро-де... агрес-сивности», – повторила Ирина и закрыла блокнот.

– Только я тебя прошу, не надо всяких научных премудростей, – строго предупредил Меркулов. – Человеческим языком. Коротко и внятно. Понимаешь?

Ирина кивнула и снова достала блокнот. Меркулов простонал.

Она вдруг хитро глянула на него и неожиданно сказала:

– Если из двух полушарий ведущим является правое полушарие мозга, то у человека преобладает эмоциональная сфера. Если ведущим оказывается левое полушарие, то у человека аналитический склад ума преобладает над эмоциональностью.

– Что? – удивился Меркулов. – К чему это ты?

– Хотите психологический тест, Константин Дмитриевич?

– А я не знаю, какое у меня – большее...

– Вот об этом я и говорю. Давайте разберемся, кто вы такой. Тест как раз и позволит выявить ведущее полушарие. Это является признаком врожденным и, как правило, не меняется до конца жизни. Правда, нужно учитывать, что при сильном волнении ведущие полушария могут меняться: левое на правое и наоборот. Вы же сейчас не сильно взволнованы?

– Я совсем не взволнован.

– Ну так как же?

– Ладно, – улыбнулся Меркулов.

– Готовы?

– Валяйте.

– Вопрос номер один. Переплетите пальцы рук и...

– Что – и?

– Вы заметите, что сверху всегда оказывается один и тот же палец, если левый – вы человек эмоциональный, правый – у вас преобладает аналитический склад ума.

Меркулов переплел пальцы и отчитался:

– Правый у меня. Значит, аналитический, верно?

– Вопрос номер два, – проигнорировала его комментарий Ирина. – Попробуйте прицелиться, выбрав себе мишень и глядя на нее через своеобразную мушку – карандаш или ручку...

Меркулов попробовал.

– Ну, какой у вас глаз ведущий?

– Левый, – сказал он после нескольких зажмуриваний.

– Ясно. Правый ведущий глаз говорит о твердом, настойчивом, более агрессивном характере, левый – о мягком и уступчивом.

– Что за ерунда, – рассердился Меркулов, – как это у заместителя генерального прокурора характер может быть мягкий и уступчивый?!

– Чего в жизни не случается! Не отвлекайтесь, пожалуйста. Вопрос номер три. Если при переплетении рук на груди наверху оказывается левая рука, вы способны к кокетству...

– Правая у меня сверху, – сказал Меркулов и тут же схватился за руль, потому что машина сильно скакнула на кочке.

– ...Если правая – вы склонны к простоте и простодушию. Вопрос номер четыре. Какой рукой вам удобнее хлопать по коленке?

Меркулов похлопал обеими руками и сообщил:

– Правой.

– Если удобнее хлопать правой рукой, можно говорить о решительном характере, левой – вы часто колеблетесь, прежде чем принять решение.

– Вот так-то! – оживился Меркулов. – Характер решительный и... нордический. Хм... – он немного смутился собственной реакцией. – Поздно мне уже, Ириш, в такие игрушки играть.

– Хочется выглядеть решительным и аналитичным? – сочувственно спросила Ирина.

Меркулов немного подумал и честно сказал:

– Хочется им быть.

За поворотом дороги неожиданно открылась зеленая долина, по которой протекал ручей. Направо и налево от ручья раскинулась деревня. Перед въездом в нее – сломанный мост, сразу за ним, на правой стороне, – разрушенная церковь.

– Мы приехали?

– Похоже на то.

– Ура! По деревенской улочке шла женщина с бидоном.

Меркулов притормозил рядом с ней и сказал максимально приветливым голосом:

– Добрый день.

– Здравсте! – Голос у женщины был визгливый и в то же время усталый, какой бывает у женщин, потративших значительную часть жизни на мелочную борьбу с повседневными невзгодами.

– Не подскажете, где здесь дом Плетнева?

Женщина посмотрела на Меркулова настороженно:

– Это... какого такого Плетнева?

Меркулов вспомнил начало своего разговора с Турецким и чуть было не сказал «пианиста и дирижера».

– Антона. Антона Плетнева.

Женщина попятилась, убыстрила шаг и скрылась

в одном из ближайших домов.

Меркулов с досадой глянул на Ирину и поехал дальше.

– Вот видите? – не удержалась она.

– Ничего я не вижу. Пустая улица. Чокнутая тетка. Богом забытая деревня.

– Я не о том.

– А о чем?

– О том, как вы с людьми говорите, – напомнила она максимально мягким голосом. – Мне она чокнутой не показалась.

– Чего же она тогда сбежала от меня?

– О чем и речь!

– Ну, знаешь! – возмутился было Меркулов, но все-таки заставил себя замолчать и медленно поехал дальше по деревенской улице.

«Черт-те что в самом деле, – думал Константин Дмитриевич, – ведь она же права. Права! Что это такое со мной последнее время творится? Со всеми спорю и ругаюсь. Отдохнуть, наверное, стоит... С другой стороны, вон тот же хулиган Турецкий всю жизнь так себя ведет – и ничего... Хм, как это ничего?! Было б ничего, не лежал бы сейчас в больнице... Ох, Турецкий, Турецкий, со своими фантазиями на мою голову... Ну, посмотрим, что из них выйдет».

Следующий, кого они увидели на улице, был пошатывающийся дед, тащивший за собой велосипед.

Вполне возможно, что велосипед его как-то поддерживал.

– Ах ты брыкаться?! – заорал вдруг дед, по всей видимости обращаясь к велосипеду.

Ирина вздрогнула от неожиданности.

Меркулов невольно улыбнулся. Все же она просто женщина. Хоть и музыкант, и психолог, и прочая, и прочая... Просто женщина. Не стоит забывать.

– Здорово, дед. Дед, не оборачиваясь, буркнул:

– Здоровей видали... Меркулов подъехал так, чтобы дед остался чуть позади и чтобы можно было видеть его лицо. Лицо у деда оказалось не лицом, а картой пересеченной местности. Дед тоже остановился и уставился на машину. Меркулов начал издалека:

– Мы тут ищем кое-кого...

– Режиссера, что ли? – Он говорил именно так, через «э».

– Какого еще режиссера?!

– А он у нас один! – гордо заявил дед. – Плотников!

Эта фамилия показалась Меркулову смутно знакомой. Ирина же оказалась более сведущей.

– Артем Плотников? – спросила она с нескрываемым любопытством. – Он в самом деле здесь живет?

– А то! Почетный житель деревни. Он, правда, нечасто тут появляется, но... Хороший мужик, в общем. Знаменитый стал, а не загордился. Часто приезжает – отдохнуть от суеты вашей московской.

– Ясно, – сказал Меркулов. – Ваша щедрая земля дала миру немало знаменитых людей. И среди них... А где тут дом Плетнева, отец? Антона Плетнева?

Дед подозрительно посмотрел сначала на Меркулова, потом перевел взгляд на Ирину, потом снова на Меркулова.

– А ты ему кто?

– Знакомый, – коротко ответил Меркулов. Дед вдруг широко улыбнулся:

– Оно и понятно! Опять из милиции?

– Я просто знакомый, – повторил Меркулов. Эффекта, однако, не было.

– Ага, – ухмыльнулся дед. – Небось знакомые на таких машинах к деревенским алкашам не ездят...

Наконец подключилась, не выдержала Ирина.

– Дедушка, родненький, я сестра его двоюродная, мы семь лет не виделись! Уже вечер скоро, а нам еще триста километров обратно ехать.

Удивительно, но факт – дед поверил моментально.

– Так бы сразу и сказамши. Вон его дом, последний, за прудом... Только вы поаккуратней. Сколько у вас там натикало?

– Шесть часов почти.

– Тогда он спит сейчас. – Дед подумал. – А может, и не спит... Только обязательно сначала голос подайте... А то... – Он не договорил, только покачал головой.

– А то что?

– Да вон Мишка, сосед, зашел к нему за водкой... без стука. Ну и до сих пор в больничке валяется. Мишка в смысле, не Антон.

Улыбка сползла с лица Ирины.

– Что с ним случилось?!

– Да что случилось... Ребра сломаны да сотрясение этого самого. – Дед постучал себя по голове.

Меркулов кивком поблагодарил старика и поехал к указанному дому.

– Голос, говорю, подайте! – крикнул дед еще раз. – Так, чтобы он наверняка понял – свои приехали!

У дома Плетнева Меркулов притормозил. Посмотрел на Ирину. Он все больше жалел, что уступил и взял ее с собой. Теперь было такое чувство, что у него не одна спина, а две – нужно постоянно думать не только о деле, но еще и о ее безопасности. Открывая дверь машины, он сказал:

– Вот что, двоюродная сестра... Подожди меня здесь пока, ладно?

Против ожидания, она смиренно кивнула.

Меркулов вышел из машины. Постучал в дверь. Подождал. Прислушался. Никакого шевеления в доме не уловил. Потянул ручку двери на себя. Дверь была заперта. Постучал еще раз.

– Антон?

Безрезультатно.

Меркулов покосился на машину. Ирина сидела на месте и никаких попыток выйти не предпринимала, только дверцу открыла. Он обошел дом кругом. Вишню загубила плесень. Веранда, построенная из необработанных досок, почти сгнила.

Меркулов постоял возле окна.

Ага! Слабо, но все же он уловил звуки работающего радиоприемника. Стучать в окно не стал – прошел дальше. В следующем окне, на террасе, была открыта форточка. Константин Дмитриевич огляделся. Вокруг не было ни души. С другой стороны, ну, работает радио, ну и что с того? Если тут кто и живет, то об этом ничего не свидетельствует. Хаос и запустение.

Меркулов, кряхтя, забрался на карниз.

И тут в кармане задержался телефон. Хорошо хоть звонок он с утра выключил – телефон стоял на виброрежиме. Но и так Меркулов почувствовал себя совершенно идиотски – застывшим на карнизе с прыгающим в кармане телефоном. Ладно, потом.

Меркулов кое-как открыл окно – не без скрипа, но и без особого шума. Вдохнул. Черт знает чем заниматься приходится... Спрыгнув на пол, он оказался в пустой комнате. Раздвинул занавес на окне. Сразу же обратил внимание на толстый слой пыли. Может быть, действительно в доме никого нет? Из пустых бутылок в углу комнаты была затейливо выстроена пирамида.

– Антон! – еще раз позвал Меркулов, стоя уже посреди комнаты.

Никакой реакции. Никто не появился, никто не отозвался. Меркулов вынул телефон и посмотрел на дисплей. Это было сообщение от Турецкого:

«Ну что, ты нашел Плетнева?»

Меркулов выругался про себя и выключил телефон совсем.

Дзинь. В жестяное ведро со звоном упала монетка.

Меркулов резко обернулся. Но все же недостаточно быстро: подсечка – и он даже охнуть не успел, как кто-то ловким приемом свалил его на пол. Дальше, впрочем, ничего не последовало. Оглушенный Меркулов приподнялся. Сел на полу.

В паре метров от него в дверном проеме стоял Плетнев. Он был неряшливо одет, небрит и, кажется, прилично пьян.

– Что за фарс, Антон? Ты разве не узнал меня?

Плетнев хмыкнул:

– А я никого не узнаю. Я же не в себе... – и добавил издевательским тоном: – Константин Дмитриевич.

Меркулов покачал головой. Сделал вид, что с интересом осматривает комнату.

– Уютно у тебя, ничего не скажешь...

– Не жалуюсь, – вполне серьезно кивнул Плетнев.

Меркулов поднялся на ноги.

– Ты когда в последний раз мылся, майор спецназа?

– На днях. В пруду... И вообще, может, я на задании!

– Вот как?

– Тсс!

– Военная тайна? – ехидно уточнил Меркулов.

– А, собственно, в чем дело? Вы приехали мне замечания делать, гражданин прокурор? Или за моральным обликом следить? – Плетнев вытащил деньги из кармана джинсов. – На вот лучше... в сельпо сходи. – Щелкнул пальцем по горлу. – А то они последние два дня дверь запирают, когда меня видят. А я как раз пенсию вчера получил. Отпразднуем?

– Шут гороховый, – вздохнул Меркулов.

Эта реплика на Плетнева не подействовала.

– Как ты мог до такого состояния опуститься,

Антон?! Это ж ниже плинтуса. Ты... – Тут Константин Дмитриевич вдруг понял, что он как раз таки наезжает на моральный облик Плетнева. Стоило в самом деле сменить пластинку. – Ты когда сына в последний раз видел?

Это оказался удар под дых. Плетнев моментально изменился в лице и схватил Меркулова за лацканы пиджака. На этот раз Меркулов был готов и перехватил его за кисти рук.

– Это ты мне говоришь?! – зарычал Плетнев. –

Ты мне это говоришь?!

Несколько секунд они стояли, вцепившись друг в друга. И оба вздрогнули, когда раздался стук в дверь.

– Кто там? – закричал Плетнев.

– Это, наверно, Ирина, – сказал Меркулов с угрозой. – Она со мной приехала. Молодая женщина. Не вздумай ее испугать, слышишь?!

– Сейчас поглядим, какая такая Ирина.

Плетнев наконец разжал руки и, пошатываясь, пошел к двери. Открыл. На пороге действительно стояла Ирина.

– Здравствуйте, барышня, – сказал Плетнев с кривой улыбкой. – Вы из собеса? Пришли забрать пенсию назад?

– Здравствуйте, – приветливо сказала Ирина. – Меня зовут Ирина Генриховна. Я не из собеса. Я с Константином Дмитриевичем.

Плетнев несколько секунд молча смотрел на нее.

– Антон... Извините за вид. Проходите. Садитесь... где-нибудь тут... где найдете.

Ирина вошла в дом, внимательно осматриваясь. Из-за того что дом почти совсем не получал солнца, мох и еще какая-то неизвестная растительность захватили уже немало его поверхности.

Плетнев в свою очередь мутным взглядом смотрел на Меркулова, как будто видел его впервые. Откашлявшись, он сказал:

– Позвольте вам представить, Ирина Генриховна, – Меркулов Константин Дмитриевич... – И добавил, с таинственным видом поднимая палец: – Прокурор... Очень большой начальник... Проявил к вашему покорному слуге много участия... Оказывал посильную помощь в том... – Не выдержав шутовского тона, искривив лицо, яростно выкрикнул Меркулову: – Жизнь вы мне сломали, суки!

– Мы тебя из тюрьмы вытащили, – напомнил Меркулов. – От срока спасли, между прочим. Как у тебя язык поворачивается?

– Как, как! – закричал Плетнев. – Вы у меня сына отняли!!! Вот как!

– Антон, не кричите, пожалуйста, – попросила Ирина. – Мы и так все на взводе.

Не то выдохнувшись, не то в самом деле успокоившись, Плетнев махнул рукой и сел на колченогий табурет. Отвернулся к окну, говорил тихо, себе под нос, но все равно было слышно каждое слово:

– Меня родительских прав лишили. Через неделю, как из дурдома выпустили. Псих же не может быть отцом? Не может. Не должен! А я ведь псих? Правда, гражданин прокурор?... Решение суда не подлежит обжалованию. Вот и получается, что Васька при живом отце в детдоме живет... А теперь... Теперь ему, наверно, вообще фамилию сменяют... и из города увезут... Я его никогда не увижу... Вы с Турецким мне всю жизнь разрушили... – Ирина вздрогнула от этих слов. – Лучше бы я сел... Ну, пять лет... Ну, восемь... Но сына бы вернули... А так...

– Я не знал, – ошарашенно сказал Меркулов. –

Антон... Я же ничего не знал! Но, черт тебя возьми, почему ты к нам не обратился?!

– До вас достучишься, как же...

Ирина вообще ничего не понимала, но молчала, только вопросительно смотрела на Меркулова.

Возникшую паузу нарушил сам Плетнев. Внезапно жалобно он сказал:

– Слушай, ну, будь человеком, сходи в магазин, а?

Меркулов не обижался на эти перепады с «вы» на «ты». Он только вздохнул. Деваться в самом деле было некуда.

– Не надо в магазин. У меня есть с собой.

Он сходил к машине и вернулся с бутылкой армянского коньяка, поставил ее на табурет, огляделся в поисках посуды. Ирина стояла у окна, в реанимационном процессе участия не принимала. Плетнев схватил бутылку и стал пить большими глотками прямо из горлышка.

Меркулов скептически покачал головой, Ирина по-прежнему молчала, никаких эмоций на лице у нее не было, ни осуждающих, ни сочувственных.

Коньяк на Плетнева подействовал положительно. Он поставил бутылку. Вытер губы и сказал Ирине:

– Простите... Неудобная ситуация... Извините меня, правда.

Меркулов понял, что тянуть больше нельзя, сейчас – самое время.

– Я хотел тебе кое-что показать... – Он достал фигурку, полученную от Турецкого. – Знаешь, что это такое?

– А... Так и думал, что надо чего-то... – сказал Плетнев, мельком глянув на фигурку, и снова приложился к коньяку.

– И не стыдно так опускаться? – не выдержала Ирина.

– Истина в вине, – провозгласил Плетнев.

– Будто бы?

Вместо ответа Плетнев рассказал историю:

– Галилей послал своему знакомому в подарок спиртовой термометр с запиской, в которой объяснил, как он действует. Записка в дороге потерялась, и приятель Галилея, выпив спирт, написал ему в ответ: «Дорогой друг, вино было отличное. Пришли, пожалуйста, еще такой же прибор».

Меркулов против своей воли засмеялся.

Как ни странно, Плетнев трезвел на глазах, по крайней мере, такое складывалось впечатление.

Перехватив взгляд Ирины, Меркулов посерьезнел и спросил его:

– Так почему ты решил, что нам от тебя что-то нужно?

– Да потому что, блин, такие, как вы, никогда не приходят просто так! Или вы считаете, что я вам что-то должен? – Он кивнул на бутылку коньяка, но понимать эти слова следовало, конечно, шире.

Меркулов промолчал, только пожал плечами, что тоже можно было трактовать как угодно. И оказался прав, потому что Плетнев продолжил:

– В первый раз вижу... А даже если бы и знал, ничего бы не сказал.

– Это почему, позвольте спросить? – подала голос Ирина.

– Военная тайна, – объяснил Плетнев.

Меркулов наконец не стерпел:

– Хватит паясничать, Плетнев! Давай поговорим о...

Ирина перебила его:

– Извините, Антон... Я, наверное, неправильно представилась. Меня зовут Ирина Турецкая, я жена Александра Борисовича Турецкого. Сейчас он находится в реанимации...

– Сочувствую, – равнодушно обронил Плетнев.

– Дело даже не в этом, – продолжала Ирина. – То есть, конечно, и в этом, но... Понимаете, кто-то хотел взорвать детский дом. Этого чудом удалось избежать. Саша чуть не погиб. Погибли другие хорошие люди. Но кто даст гарантию, что подобное не повторится?

– Эту фигурку нашли на месте взрыва, – вставил Меркулов. – И это наша единственная зацепка. – И тут же замолчал, потому что Ирина сделала ему знак.

– Да, вы не видите сына, – продолжала она. – Но вы знаете, что он жив, Антон! Это ведь уже немало, верно? Но как вы можете позволить, чтобы детям угрожала смертельная опасность?! А вдруг в следующем детском доме, который они захотят взорвать, будет ваш сын?

«Грубовато работает, – подумал Меркулов, – но кто знает, может, она действительно лучше меня расставляет акценты».

Плетнев молча смотрел на Ирину.

Меркулов на всякий случай добавил:

– С сыном-то мы тебе поможем в любом случае...

Плетнев перевел взгляд на Меркулова:

– Только не надо меня ребенком шантажировать.

– Я же сказал – в любом случае, вне зависимости от твоего решения.

Плетнев ухмыльнулся:

– Да все я понимаю! Все же ясно как день... Меня опять вербуют. Только более изощренно, чем прежде. Я сделаю вам дело, а потом вы скажете, как все остальные: «Извини, Антон, это не в нашей власти, Вася твой теперь принадлежит государству и вообще, ты – псих, Антон». Так будет, да? Впрочем, ничего вы не скажете... Я просто до ваших кабинетов не дойду... Благодарю за угощение... Проваливайте.

Ирина и Меркулов одновременно вздохнули. Это было полное и безоговорочное поражение. Меркулов другого и не ждал с самого начала, он считал, что затея Турецкого обречена. Он вышел молча, а Ирина задержалась на пороге:

– Спасибо, Антон, всего вам доброго. Извините, что потревожили. Берегите себя, хотя бы ради сына...

Через минуту они молча садились в машину. Меркулов не выдержал:

– Зря только коньяк перевели, я его генеральному презентовать собирался.

– Я вижу, вас совсем не шокирует, во что этот человек превращается?

Меркулов неопределенно пожал плечами: видал, дескать, и не такое. Обычная история. Каскад жизненных неурядиц – и покатился человек по наклонной.

Ирина будто подслушала его мысли.

– Кто это придумал, что пьянство у нас традиционно? – риторически спросила она. – И деды, мол, пили, и прадеды – и ничего. Так ли это? Пить-то пили, да только считалось это во все времена и у всех народов большим злом. И всегда с ним боролись, а в давние времена и довольно жестокими мерами. Да и как пили древние? Греки, к примеру, сухое, как мы сейчас его называем, вино давали рабам, а знаменитая Петровская водка была крепостью менее, чем нынешние портвейны. В Древнем Риме даже существовала должность сенатора, в обязанности которого входило напиваться до пороссячьего визга и демонстрировать на улицах прохожим, сколь неприятен пьяный человек. Никакой почвы не имеет под собой миф о том, что со стародавних времен пристрастны к пьянству русские.

– Это что-то новенькое!

– Старенькое, наоборот. Вы хорошо знаете историю?

– Не жалуюсь.

– Сейчас проверим. В одиннадцатом веке всячески чернили языческую Русь, доказывая достоинства христианства, хотя до него наши предки выпивали только по трем поводам: при рождении ребенка, одержании победы над врагом и похоронах. Всяческие «теоретики алкоголизма» ссылаются на исконность хмельных застолий. А ведь Россия впервые получила водку от генуэзцев всего пять столетий назад!

– Ну, уж это не вчера, прямо скажем!

– Но ведь и не со времен Адама и Евы... Кстати, – спохватилась Ирина, – а почему мы не едем?

Не успел Меркулов завести мотор, как из дома показался Плетнев. На твердых ногах подошел к машине. Сказал, не глядя на Меркулова:

– Их было семь штук.

– Кого? – не понял Константин Дмитриевич.

– Амулетов. Мы получили эти игрушки от вождя племени мбунду, в котором формировали отряд из местных. Амулеты, по местному поверью, давались воинам для защиты от плохой смерти... Их было семь штук.

– От какой смерти? – невольно переспросил Меркулов, хотя прекрасно слышал, что сказал Плетнев.

– Плохой. Неправильной. Мы в это дело не поверили, но взяли из уважения, тем более что фигурки красивые... – Он достал из-за пазухи амулет на шнурке.

– И где они? – спросила Ирина.

– Амулеты? – спросил Плетнев.

– Люди! – зло сказал Меркулов.

– Не знаю. Погибли. Хорошей смертью...

– Правильной, что ли?

– Можно и так сказать.

– Точно все погибли?

– Трудно сказать наверняка.

– Ладно. Садись в машину. Поедешь с нами.

– Размечтались. Сначала я хочу увидеть ордер на арест, – насмешливо бросил Плетнев и повернулся к дому.

Меркулов со злостью стукнул по рулю и случайно попал по клаксону.

Плетнев даже не вздрогнул от резкого автомобильного сигнала, он был уже на пороге.

– В каком детдоме ваш ребенок? – крикнула Ирина ему вслед.

Плетнев застыл на месте.

2005 год

ТУРЕЦКИЙ

– Распространено мнение, – сказал Турецкий, потягивая холодное пиво, – что нужно разрешить два-три гипервопроса, додумать до конца три-четыре большие отвлеченные мысли, и будет нам всем счастье. Ответственно заявляю, что это опасная иллюзия, черт побери! Доказательством тому и семнадцатый год, и девяносто первый: мыслили тогда размашисто, но окончательно все запутали. Напротив, надо срочно выметать «отвлеченное большое» поганой метлой, ибо гипервопросы навязаны позавчерашней повесткой дня. Ближе к телу! Мельчить! Будут тогда и новые, по-настоящему актуальные вопросы, и новые их постановки.

– Ты о чем? – осторожно спросил Меркулов. Он пиво не пил, зато активно хрустел орешками, которые принесли Турецкому.

– О нашей работе, о чем же еще?! А если уж быть совсем точным, то о моей. Тебе хорошо, ты сидишь у себя в кабинете, бумажки перекладываешь да приказы отдаешь, а я ношусь по всему городу, ищу этого шибздика. А кто сказал, что он вообще в городе?!

Может, его увезли куда-нибудь на Камчатку, там расчленили и разослали по просторам нашей необъятной...

– Типун тебе на язык! – испугался Меркулов.

Друзья сидели в уютной кафешке «Кофе-Бин» на Покровке. Это были вечерние часы, формально уже нерабочие, но никто из них на этот счет не обольщался – их жизнь ведь как раз и состояла из исключений, а не из правил.

Только вчера Турецкому было поручено громкое дело. В Москве был похищен знаменитый американский кинорежиссер, приехавший в Россию с каким-то там визитом, – Стивен Дж. Мэдисон. Фигура уровня Спилберга, даром что они были тезками. Мэдисон являлся главой школы так называемых нью-йоркских независимых режиссеров. И хотя его визит не носил какого-то особо официального статуса, а имел сугубо рабочие и практические цели (лекции в Институте кинематографии, деловые контакты с Федеральным агентством по кинематографии, съемка нескольких эпизодов собственной кинокартины на «Мосфильме»), все равно это был скандал. Это был удар по престижу принимающей стороны, то есть российских киношников в частности (имя которым – легион, между прочим, ничего себе частность!) и Российской Федерации в целом. Культурный мир был взбудоражен этим экстраординарным событием. Съемки остановились, и утечка информации уже произошла. Хотя похитители (если таковые были) до сих пор никаких требований не выдвигали и никак своего существования не обнаруживали.

Смысл же пафосной речи Александра Борисовича сводился к тому, что текущее расследование сулит ему основательное погружение в кинематографическую среду.

Впрочем, подобное происходило далеко не первый раз. Вот, например, хотя бы дело Баткина. С чего тогда все началось? В Шереметьево-2 потерпел аварию пассажирский самолет, а под обломками Ту-154 был найден контейнер с опасным вирусом, способным вызвать тотальную эпидемию смертельной болезни в кратчайшие сроки. Что это было – преступная халатность, роковое совпадение или преступный умысел? Турецкий пытался разобраться в обстоятельствах катастрофы и, отрабатывая разные версии, пришел к выводу, что прямое отношение к трагедии имеет загадочное исчезновение ученого-биолога и нобелевского лауреата Баткина. Чтобы разобраться и свести все концы воедино, Александру Борисовичу тогда пришлось с головой зарыться в НИИ молекулярной биологии, едва ли не поселиться там... Об этих научных нюансах он до сих пор вспоминал с содроганием. А биологию с химией от всей души ненавидел еще со средней школы.

Впрочем, сейчас профессиональная материя была все же понятней (кто у нас не разбирается в кино?! Ну и еще, конечно, в футболе и воспитании детей), а главное, гораздо интересней простому обывателю, коим не без доли лукавства Турецкий себя именовал.

...По Покровке шла пара – наверно, отец с дочкой. Или дядя с племянницей. Турецкий невольно засмотрелся на них. Девушка-подросток в камуфляжных брюках и крепкий мужчина лет сорока. Он слегка приобнимал ее за плечи, а она доверчиво прижималась к нему. Была в этих жестах доверительность и какая-то общая тайна, какая бывает только у очень близких людей.

– О чем задумался? – спросил Меркулов.

– Надо больше времени проводить с дочкой, – вздохнул Турецкий.

– Давай-ка, Саша, к делу, – попросил Меркулов.

Турецкий выразительно постучал пальцем по циферблату часов, напоминая все о том же – отдыхаем, мол, рабочее время вышло.

Меркулов в ответ выразительно скривился, так же безмолвно отвечая: когда это нас оставляло?

Турецкий попросил еще пива (оно в «Кофе-Бине» явно было белой вороной – большинство посетителей составляла молодежь, которая пила разнообразный кофе, которым и славилось это заведение, со столь же разнообразными штруделями и пирогами) и отчитался о событиях двух минувших дней, потраченных на сбор первичной информации.

История исчезновения была такова. Находясь в павильоне «Мосфильма», во время съемок сцены собственной картины, Мэдисон, недовольный игрой актера, изображающего американского ученого, похищаемого русскими бандитами, показал ему, как необходимо играть этот эпизод. Исполнительское мастерство режиссера вызвало восхищение, все присутствующие разразились аплодисментами. На этом месте творческий процесс был прерван, поскольку господин Мэдисон с фельдъегерской почтой получил письмо из Министерства культуры, частично финансировавшего его фильм, в котором было сказано, что оно (министерство) от своих обязательств отказывается ввиду форс-мажорных обстоятельств. Взбешенный Мэдисон курьера не отпустил, запрыгнул в его машину и отправился в министерство выяснять отношения. Больше его никто не видел. Приступив к расследованию, Турецкий посетил:

– главу киношного департамента Минкульта;

– директора киноматериала «Белые столбы»;

– директора киноконцерта «Мосфильм»;

– несколько московских ресторанов, которые полюбились Мэдисону.

Перечислив все это, Турецкий закурил сигарету «Давидов».

– Когда-нибудь ты просто вспыхнешь от такого количества курева, – заметил Меркулов.

– Скорее меня самого кто-нибудь подорвет, – философски заметил Турецкий.

– Типун тебе на язык. Ну, так что поведали эти культурные деятели?

Чем-то хоть помогли? Что-то подсказали?

– Черта с два. Каждый, разумеется, беспокоился о престиже своего ведомства. Особенно жалко выглядел директор «Мосфильма», что и неудивительно, – на его же территории произошло все это безобразие. Кстати, выяснилась одна любопытная вещь. – Турецкий артистично взял паузу и сделал глоток.

– Ну?

– Этот Мэдисон – на самом деле Медовников.

– Как это? – не понял Меркулов.

– А вот так, представь себе. Он русский по происхождению. Родился-то в Штатах, но отец из России. Так что Медовников – его настоящая фамилия.

Меркулов засмеялся:

– Занятно! Я не знал... Действительно интересно. И знаешь, Саша, может оказаться бесполезно... Или это тебе уже как-то помогло?

– Пока нет.

– Мэдисон говорит по-русски? У него есть здесь какие-то некиношные контакты? Деловые? Просто друзья-приятели?

– По-русски говорит. Насчет контактов ничего не известно. Похоже, он в России первый раз, по крайней мере, о предыдущих его визитах никто слухом не слыхивал. И... как бы не последний.

– Типун тебе на язык! – повторил Меркулов.

– Да ведь сам посуди, Костя. Никаких требований о выкупе, ничего! Какое же это, к черту, похищение? Загулял где-нибудь мужик, а его взяли и шлепнули. С иностранцами у нас и не такое случается. Одного туриста, я слышал, по ошибке в армию забрили. Так он успел курс молодого бойца пройти, прежде чем отцы-командиры разобрались, что к чему.

– Надо подождать, – сказал Меркулов. – Еще слишком мало времени прошло. Если это похищение, то, может, они просто ждут, чтобы поднялся ажиотаж посильнее. Цену набивают.

– Не знаю я насчет выкупа, – хмуро сказал Турецкий. – Сомневаюсь. Если только тут не дилетанты действуют. Тогда, конечно, можно ждать любых сюрпризов. Но этот Мэдисон по американским меркам просто нищий. Ни миллионных гонораров, ни богатых родственников, ни недвижимости. А живет вообще в трейлере.

– Серьезно?!

– Ага. Он, конечно, знаменитость, но фильмы у него копеечные. И гонорары такие же. Он из бывших хиппи. Цветы, любовь и все такое. На бабки чихать хотел, короче говоря. Хотя в Голливуд его звали много раз.

– А откуда ты это все знаешь?

– На «Мосфильме» потусовался. Там сплетников хватает.

– Понятно. Еще что-то интересное нашел?

– Пока нет. Всего лишь составил перечень лиц, которые с ним общались. Полторы сотни человек, – пожаловался Турецкий.

– Понятно, – улыбнулся Меркулов. – Что дальше думаешь делать?

– Думать. Кино смотреть.

– Кино?

– Мэдисона.

– Везет же некоторым, – вздохнул Меркулов. – Вечно тебе всю жизнь все на халяву достается.

– Да? – язвительно переспросил Турецкий. – Ты хоть один его фильм видел? Я вот вчера начал и прекратил через десять минут. Та-акая мутотень! Поговори с генеральным насчет молока за вредность. А лучше...

– Понятно-понятно. Теперь давай конкретику. Что говорят в Министерстве культуры насчет письма о прекращении финансирования?

– Категорически отрицают. Не было такого письма – и точка.

– Вот видишь! Значит, похищение.

– Ничего я не вижу, – уперся Турецкий. – Он это мог просто придумать, чтобы со съёмочной площадки свинтить. Подцепил какую-нибудь старлетку и закатился с ней... не знаю... ну в Архангельское, например.

– В Архангельское? – засомневался Меркулов. – Ты же говорил, он весь из себя нонконформист.

– Ну или в Питер куда-нибудь.

– Ладно. А что по машине?

– Представительский лимузин. Их в Москве немного, всего пятьдесят штук.

– Это ты называешь немного?!

– Это называю немного, – подтвердил Турецкий. – А ты, например, знаешь, сколько в Москве «мерседесов»? Больше полумиллиона!

Меркулов округлил глаза. Почесал затылок.

– Нет, правда, Саша? Признаться... не то чтобы ты меня удивил... но...

Турецкий довольно засмеялся:

– Эту цифру я только что сочинил. Но «меринов» все равно до фига.

– Ну ты и прохиндей, – засмеялся Меркулов. – В общем, эта машина пока что твоя единственная зацепка?

Турецкий кивнул и допил пиво. Подумал и уточнил:

– Только не зацепка, а, скорее, мозоль.

– Кстати, забыл спросить, – сказал Меркулов, вставая. – Ты этого Мэдисона еще случайно не нашел?

– Нет.

– Это я так, на всякий случай. А то с тебя станется...

– Я тебя умоляю, Костя! На девяносто процентов уверен, что никто его не похищал, а просто мужик решил на все забить и оттянуться где-нибудь по полной программе. А мы сейчас развернемся на всю катушку, потом сами же идиотами выглядеть будем.

– Совершенно исключать твою гипотезу нельзя, но ведь мы имеем свидетельство о машине «из Министерства культуры», от которой упомянутое министерство категорически отказывается.

– Представительский лимузин, – напомнил Турецкий. – Мосфильмовские курьеры на таких тачках не рассекают.

– Это я уже понял. Так кто же тогда за ним приезжал на «Мосфильм»?

– Да, – сказал Турецкий после паузы. – Это, конечно, свидетельство в пользу похищения. Хотя и косвенное. Если только он и машину не сам себе организовал. Режиссер, понимаешь...

Через полчаса Турецкий был дома. Тут все было как обычно. Дочь трещала по телефону, жена сосредоточенно читала газету.

– Что там? – механически спросил Турецкий, снимая пиджак.

– Статья о психиатрических диспансерах, – сказала Ирина. – О девочках-подростках. Каково им приходится, бедняжкам.

Турецкий скривился. Последнее время Ирина проявляла недюжинный интерес ко всему, что было связано с психологией.

– Отложить тебе? – она махнула газетой. – Почитаешь потом?

– Нет уж, благодарю покорно. Лучше ужин разогрей.

Через пять минут Турецкий отодвинул тарелку, положил голову на скрещенные руки и сам не заметил, как заснул...

Проснулся от ощущения того, что кто-то ходит по комнате. Поднял голову, сердце стучало. Какой-то муторный сон приснился, ничего конкретного он не помнил, но чувство было такое, будто камнем разбивают окно...

Ирина смотрела на него как-то странно.

– Саш, ты чего это вдруг – за столом?

– День тяжелый, набегался.

– Ну, так иди, приляг на диван. Он продолжал сидеть, встряхивая головой, как бы отгоняя дурной сон.

Ирина что-то почувствовала и сказала:

– Мне тоже сегодня ерунда какая-то снилась...

– Какая?

– Не скажу.

– Нет уж, – усмехнулся он, – будь добра!

Кое-как Турецкий выдал из жены, что приснилась ей жуткая фантазмагория: будто его, Турецкого, подорвала какая-то шахидка и она, Ирина, вместе с Меркуловым ползали и собирали его кусочки, надеясь собрать из них пазл, в результате чего Турецкий и оживет.

Турецкий засмеялся:

– Ну, ты даешь, Ирка! При чем тут шахиды? Им-то я чем не угодил?!

– А я почему знаю? – улыбнулась Ирина, но глаза у нее были на мокром месте.

Шутки шутками, но Турецкому стало немного не по себе. Пусть и в шутку, но двое близких людей дважды за один день говорили, что он взорвался или взорвется... Да нет, глупости, конечно! Каких можно ждать взрывов от киношников? Бутафорских разве что.

Утром Турецкий выделил из общего списка людей, с которыми Мэдисон общался лично-конфиденциально и многократно в течение последних двух дней перед своим исчезновением.

1. Русский сопродюсер фильма Иван Казаков.
2. Каскадер и постановщик трюков Олег Буцаев.
3. Оператор Энтони Фицпатрик.
4. Проректор ВГИКа Виктор Коломиец.

Сюда еще стоило добавить режиссера и в некотором роде приятеля Мэдисона Артема Плотникова: последнее время они общались нечасто, но Плотников, как и Мэдисон, был величина. Он мог что-то знать.

КОЛОМИЕЦ

Первым попался Коломиец. Это был сравнительно молодой человек, активно тусовавшийся в коридорах Министерства культуры. Как подсказали Турецкому знающие люди, ему светила большая карьера. В Министерстве культуры Турецкий его и нашел.

Коломиец производил впечатление человека крайне занятого и все время куда-то опаздывающего. Слава богу, оказалось, что у его секретарши были захронометрированы абсолютно все телодвижения Мэдисона в Институте кинематографии. К вечеру Коломиец обещал их прислать. А еще он снабдил Александра Борисовича мобильным телефоном продюсера Казакова. Казаков, правда, как и Плотников, преподавал во ВГИКе, но по мобильному его отыскать было гораздо проще. Буцаев, кстати, тоже преподавал в киноинституте – загадочную дисциплину под названием «Сценический бой». А Казаков читал там лекции будущим продюсерам.

Сам Коломиец ничего существенного про Мэдисона сообщить не смог. Да, эксцентричен. Да, говорит по-русски. Да, во ВГИКе прошел вечер, ему посвященный и с его участием. Да, его возили в общежитие. Да, для съемок своего фильма он устраивал в институте кастинг. Да, с удовольствием общался со студентами. Список этих самых студентов? Да, его можно составить. Нет, ничего необычного вокруг Мэдисона, на взгляд Коломийца, не происходило и никого подозрительного рядом с ним не было.

КАЗАКОВ

К двум часам дня удалось дозвониться до Казакова. Он предложил приехать к нему домой. Турецкий не возражал.

Продюсер жил на Кутузовском проспекте в двух пятикомнатных квартирах, расположенных одна над другой, то есть, по сути, в одной двухэтажной. Казаков походил на киношного гангстера, у него была серебристая шевелюра и вальяжные телодвижения.

– Позавтракаете со мной? – спросил он Турецкого, скорее утверждая этот факт, чем на самом деле интересуясь мнением гостя.

Примечательно было, что этот тип вовсе не стеснялся факта завтрака в такое время.

– Ну, если вы настаиваете, – пробормотал Турецкий, уже попав в столовую комнату.

На буфете рядами поблескивали супницы, содержащие, в добавление к естественным образом ожидаемым бекону, яйцам, сосискам, грибам и помидорам, три великих столпа традиционного английского завтрака. А по всей длине обеденного стола пунктирной линией тянулись тарелки с джемом, чайники и кофейники, серебряные подставки для гренок и графины, налитые до хрустальных краев апельсиновым и грейпфрутовым соком.

– Вот это да...

– Красиво, верно? Главное в жизни – правильно выстроить мизансцену. Итак, присаживайтесь, закусим. А после я готов ответить на любые ваши вопросы.

После завтрака Казаков предложил отведать пятидесятилетнего коньяка, и Турецкий, насилуя себя, отказался. Перед толстой «гаваной», правда, не устоял. Они уселись в кресла, задымили, и Казаков спросил:

– Что же именно вас интересует? – Он коротко хохотнул: – Можете обыскать мою квартиру, американца тут нет.

Турецкий не стал поддерживать эту несерьезную тональность.

– Когда вы видели Мэдисона последний раз?

– Дайте подумать... Примерно за полчаса до его исчезновения. Я был на съемочной площадке, а потом отъехал перекусить.

– Свидетели у вас есть?

– Есть, – усмехнулся Казаков. – Хотя какое это имеет значение? Если бы я захотел его украсть, неужели, вы думаете, я бы делал это собственноручно?

– Мэдисон связывался с вами с тех пор?

– Не ловите меня, Александр Борисович. Нет, не связывался. Я бы сообщил куда следует. Я законопослушный гражданин и честный налогоплательщик.

– Вы не получали о нем никаких известий ни прямо, ни косвенно?

Казаков покачал головой.

– У Мэдисона были здесь финансовые проблемы? В России, я имею в виду? Что-нибудь, связанное со съемками?

– Нет, – сказал Казаков. – То есть мне об этом ничего неизвестно. А я, заметьте, сопродюсер его картины.

– То есть если бы у него возникли какие-то трудности с деньгами, вы бы знали?

– Вот именно. Хотя я вообще не представляю, что для него – трудности с деньгами. Знаете, какие он сигареты курил? «Приму».

– Шутите? Откуда в Америке «Прима»?

– Там, возможно, он курил что-то соответствующее, но в России ему полюбилась «Прима». Просто торчал человек, как от травки, я сам видел. Вот вам уровень его материальных притязаний.

– Ладно, это понятно. Теперь объясните, зачем он вообще снимал в России?

– Тут никакого внятного объяснения быть не может, – категорично заявил Казаков. – Захотелось – стал снимать.

– Как это?

– Да очень просто, – объяснил Казаков с едва уловимой ноткой презрения. – Художник, что с него взять? Я вам так скажу. Кино – это наркотик. Вон режиссер «Маленькой Веры»... Помните такой фильм?

Турецкий кивнул.

– Я отлично помню, как он проклинал все на свете, говорил, что в следующий раз возьмет двух актеров в голой комнате и все. И что же? Потом он стал снимать «Золотого тельца», в котором герои носятся по всей стране: экспедиция в Среднюю Азию, пробеги на старинных автомобилях. Спрашивается, зачем ему это надо было? Нормальной логике такое действие не поддается. А Мэдисон вообще сумасшедший на полную голову... Впрочем, насчет России...

– А может – ностальгия по корням? Я слышал, он русский по происхождению.

– По-русски он говорит, это верно. Ностальгия? Сомневаюсь. Ничего такого от него не слышал. Зато я помню, он часто говорил, что главное в профессии – не быть зависимым от голливудских студий, выдающих на-гора блокбастеры, которые забываешь еще во время просмотра... Россия ему в этом плане казалась вполне подходящим полигоном.

– Как вы думаете, кто мог желать его похищения? Устранения?

Тут Казаков неожиданно хохотнул:

– В широком смысле – кто-нибудь из собратьев по ремеслу!

– Например, тот же Плотников?

– Ну, знаете!.. Я этого не говорил.

– Что вы думаете о Коломийце?

– Хм. Тот еще шельмец. Далеко пойдет. Еще министром будет, помяните мои слова.

– О Буцаеве?

– Классный каскадер. Блестящий специалист. У нас таких больше нет. На Западе работал, кстати.

– Он там познакомился с Мэдисоном?

Казаков задумался:

– Насколько я знаю, нет... Да вы у него самого спросите.

– Непременно. Спасибо за угощение. – Уже уходя, Турецкий уточнил: – Вы шутили, когда говорили о собратьях по ремеслу?

– Нисколько, – вполне серьезно ответил Казаков. – Они очень ревнивы. Картину Мэдисона, хоть она еще и не снята, уже ждут в будущем году на Венецианском фестивале. Он всегда в числе главных фаворитов. Вы думаете, когда режиссеры распинаятся в любви друг к другу, они говорят искренне? Черта с два. Это же самый настоящий спорт, и тут для устранения конкурентов все средства хороши.

– Тогда вы можете мне сказать, кто в данном случае считается его конкурентом?

– В Венеции?

– Это вам виднее где. Казаков немного пожевал сигару:

– Через пару дней, если вы не против.

ФИЦПАТРИК

Насчет оператора у Турецкого были серьезные сомнения. А ну как оператор ввиду остановки съемок на неопределенный срок плюнул на все и рванул из России куда подальше? Что ему тут делать, в конце концов?!

Однако Турецкому подфартило. Оказалось, Фицпатрик время даром не терял. Как сообщили на «Мосфильме», он принялся активно снимать рекламные ролики. Именно на киностудии Турецкий его и нашел. Правда, не в съемочном павильоне, а в ресторане, сконструированном из кинодекораций, стилизующих его – одновременно – под немецкую пивную, русский трактир и французский ресторан, – все зависело от того, под какой стеной сидишь. Фицпатрик закусывал в компании огненно-волосой молодой американки. Вместе они смотрелись: Фицпатрик был в оранжевой рубашке.

– Ши кэн транслэйт, – кивнул Фицпатрик на свою приятельницу.

– Ай эм спик, – сказал Турецкий и всем своим видом показал, что разговор желательно вести вдвоем.

Фицпатрик сделал едва уловимое движение бровями, и оранжевая женщина исчезла. Как оказалось, Турецкий не прогадал. У оператора было мало времени, и отпираться он не стал. Он сразу сказал, что очень сожалеет о случившемся, но изменить уже ничего не может, а главное, не хочет.

У Турецкого едва челюсть не отвисла. Неужели сейчас Фицпатрик отведет его к какой-нибудь кладовке и покажет задушенного Мэдисона?!

Но все оказалось гораздо проще. Фицпатрик признался в том, что увел у своего режиссера подружку. Эту вот самую оранжевую. Тогда она, правда, была сине-зеленая.

– Как это?! – спросил огорошенный Турецкий.

Оказалось, барышня выкрашивается в цвета любимого мужчины. Нет, у Мэдисона не сине-зеленые волосы, но у него есть такой вот примечательный пиджак. Как это случилось? Очень просто. Мэдисон сперва называл ее музой, а потом перестал обращать внимание. Весь роман продлился не больше трех недель. Зато вот у него, у Фицпатрика, большое человеческое чувство. У оранжевой женщины, кстати, тоже. И значит, впереди у них – долгая счастливая жизнь.

– Хм, – сказал опытный семьянин Турецкий. – А как он перенес измену любимой женщины?

– Вообще-то он менял их как перчатки, – сказал Фицпатрик. – Так что я не уверен, что он через неделю вспомнит о ней.

– Когда это случилось? Когда он обо всем узнал?

– В день до своего похищения.

Мог бы и соврать, подумал Турецкий, сказать,

что это было гораздо раньше. А так выставляет себя в невыгодном свете. Или наоборот, это такое изощренное алиби? Вот он я, дескать, весь на ладони вместе со своими грехами...

– Вы давно работаете вместе с Мэдисоном?

– Это была наша первая картина. – Фицпатрик вздохнул. – Жаль, что все так вышло. Мэдисон – гений, я всегда мечтал снимать для него.

– Как давно вы знакомы?

– Несколько лет, пожалуй. На каком-то фестивале выпивали вместе. Не то в Монреале, не то где-то в Гонолулу...

– В Гонолулу есть фестивали?

– Для знающего человека фестивали есть везде, – веско сказал Фицпатрик.

– Очень интересно. А мог Мэдисон плюнуть на все и поехать куда-нибудь вот так тусоваться, «фес-тивалить»?

– Да вообще-то запросто, но...

– Но вы думаете, что его похитили?

– Но я же видел это своими глазами!

– Расскажите, пожалуйста.

Фицпатрик рассказал. Ничего нового для себя

Турецкий не услышал. Приметы курьера из Министерства культуры были столь расплывчатыми, что не опровергали предыдущих сведений и не добавляли ничего интересного. Фицпатрик заметил, что хотя у него профессиональная память, но он больше был занят съемочной площадкой – там никак не могли правильно установить свет.

ПЛОТНИКОВ

С Плотниковым тоже повезло необычайно. Как заранее пояснил Коломиец, несмотря на то что Плотников – настоящий патриот и все такое прочее, а в числе этого самого прочего даже преподаватель ВГИКа, в России, точнее, в Москве он проводит в году едва ли один месяц, поэтому шансы застать его равняются... дайте-ка подумать... совершенно верно, один к двенадцати! Как это вы так быстро сосчитали?

Однако режиссер как раз был в Москве. Более того, несколько дней подряд появлялся в Институте кинематографии, где вел мастерскую, что, по различным свидетельствам, было ситуацией уникальной. Турецкий решил ею воспользоваться.

Артем Александрович Плотников обращал на себя внимание не только своей элегантностью, но, прежде всего, необычайно привлекательной внешностью: удлиненное женственное лицо, шелковистые светлые усы над чувственными губами, мягкие, волнистые каштановые волосы с кудрявой прядью, падавшей на белый лоб, бархатные глаза – все в нем было красиво какой-то мягкой, вкрадчивой красотой. Держался он предупредительно и любезно, но без всякой нарочитости и жеманства. Он предложил Турецкому обосноваться на кафедре художественного фильма.

В ответ на прямой вопрос, знает ли он, кто и с какой целью похитил Мэдисона, он покачал головой:

– Понимаете, Александр Борисович, какая штука... Большинство людей не отличаются богатым воображением. То, что происходит где-то далеко, не затрагивает их чувств, едва их трогает. Но стоит даже ничтожному происшествию произойти у них на глазах, ощутимо близко, как разгораются страсти. В таких случаях люди как бы возмещают обычное свое равнодушие необузданной и излишней горячностью.

– Иными словами, вы считаете, что никто его не похищал?

– Это вам решать. В принципе при желании мотив можно найти. Например, у него, как я слышал, были неважные отношения с продюсером, с Иваном Казаковым.

Вот, значит, как, подумал Турецкий. Эти киношники, похоже, просто обожают друг друга.

– Однако вы все же не думаете, что его похитили?

– Я склонен полагать обратное. Вы уже, наверно, наслышаны про эксцентричность Стивена?

Турецкий кивнул.

– Разумеется, – продолжал Плотников, – никаких фактов у меня нет. Считайте это интуицией. Съемки фильма напоминают поездку в дилижансе на Диком Западе. Сначала надеешься на легкое путешествие, но потом только и думаешь, как бы дотянуть до конца. Я думаю, ему просто надоел собственный фильм, и он решил...

– Соскочить?

– Необязательно. Может быть, просто отдохнуть. Потом вернуться и посмотреть на все свежим взглядом.

– Почему же не предупредить кого-нибудь?

– А зачем ему думать о ком-нибудь, кроме себя? – пожал плечами Плотников.

– Может, у него какой-нибудь роман?

– Насколько я видел, он приехал сюда с женщиной.

Про то, что Фицпатрик отбил девчонку у Мэдисона, он, похоже, не знает, сделал вывод Турецкий.

– В таком случае подскажите, где же отдыхают режиссеры?

– Это у каждого личное, – улыбнулся Плотников. – Я вам и про себя-то этого бы не сказал, а про Мэдисона просто не знаю. Может, в Непале где-нибудь...

– Или в Гонолулу. Только он не вылетал из Москвы.

– Тогда, может, в Урюпинске... Ну что вы так смотрите? Хорошо, я признаюсь, у меня есть дом во Владимирской области, в деревне Скоморохово. Там я и отдыхаю.

– Я с вами со всеми с ума сойду, – вздохнул Турецкий и подумал: а что, если Плотников прав? Вдруг Мэдисон все-таки поперся разыскивать свои русские корни в какой-нибудь Урюпинск?

– Ага, понятно, – удовлетворенно кивнул режиссер. – Вы уже общались с нашим братом киношником. Что же, понимаю ваши затруднения. Но, увы, в самом деле не знаю, чем помочь. Я бы на вашем месте просто набрался терпения. Стивен появится, помяните мое слово.

– Когда? Плотников снова с улыбкой пожал плечами.

– Скажите, Мэдисон хороший режиссер?

– Интересный, – сказал Плотников после паузы, в течение которой обзревал портреты классиков отечественного киноискусства, в изобилии развешенные по стенам кабинета.

– Что вы вкладываете в это слово?

– Когда я начинал свою кинокарьеру, считалось, что стать режиссером настолько сложно, что лучше вообще за это не браться. У меня уже тогда было подозрение, что так специально говорят те, кто обладает властью в кинематографе, исключительно с целью эту власть удержать. Но развитие новых технологий – Интернета, телевидения – само разрешило этот спор. Режиссером может теперь быть обезьяна средних способностей.

Возникла неловкая пауза.

– Это... вы... о Мэдисоне? – наконец спросил

Турецкий.

Черт возьми, надо же было как-то разобраться в иерархии этих гениев!

– Что вы, Мэдисон – всемирно признанная величина, – с едва уловимой иронией сказал Плотников.

– Вы много с ним общались за время его визита в Москву?

– Я видел его только однажды, здесь, в институте. Был вечер, на котором он выступал, а потом небольшое застолье... – Плотников разглядывал свои ногти. – Мы оба довольно занятые люди... Впрочем, он проводил потом кастинг для своей картины. Этого захватывающего мероприятия я, правда, не видел, но вот мои студенты наобщались с ним от души. Поговорите с ними.

– Непременно. Сколько человек он отобрал из ваших студентов? Назовите фамилии, пожалуйста.

Плотников в ответ только засмеялся.

– Что, ни одного?!

– Вот именно.

– А зачем же тогда кастинг?

– Когда найдете его, обязательно спросите. А когда он ответит, дайте знать, что именно. Мне и самому чрезвычайно интересно.

Турецкий пожал режиссеру руку и вышел в коридор. Хлопнул себя по лбу и вернулся.

– Что-нибудь еще? – удивился Плотников, глядя на неловко застывшего в дверях следователя: из солидного чиновника тот вдруг превратился в... В кого же?

– Жена меня убьет, – сознался Александр Борисович. – Автограф, если можно...

– С удовольствием, – серьезно сказал Плотников, задумался на мгновение, снял с полки ди-ви-ди с фильмом «Камнепад» и подписал.

От Плотникова Турецкий отправился напрямик на кафедру киноведения. Там было заперто. Рядом, правда, помещался деканат сценарно-киноведческого факультета. Дородная

секретарша Зоя Федоровна сообщила, что по интересующему Турецкого вопросу нет нужды терять заслуженных деятелей культуры. Есть студенты, которых вполне можно напирать.

– А они это самое... – засомневался Турецкий, – в смысле, копенгаген?

– Еще как, – уверенно ответила секретарша. – Рекомендую – вот!

Она кивнула в сторону. Тут только Турецкий заметил двух студюозусов, сидевших прямо на полу у огромного шкафа с журналами и о чем-то тихо споривших.

– Демократично у вас, – пробормотал Александр Борисович.

– Да уж, – сказала она со странной смесью гордости и осуждения.

Худенький и совсем юный мальчик был киноведом, а толстяк лет двадцати пяти – из режиссерской мастерской Плотникова, его звали Вениамин. Он метнул на секретаршу тяжелый взгляд, но покорился. Впрочем, узнав суть вопроса, Вениамин просиял.

– Нет ничего проще, – сказал он. – Конечно,

Мэдисон – русский по происхождению. Но в России прежде никогда не был. А вот предки его отсюда. Он же Медовников!

– Это я уже знаю, – прервал Турецкий. – Откуда именно его предки, можете подсказать?

– С Дальнего Востока, – сказал толстяк. – Не то из Хабаровска, не то из Уссурийска.

– Ниоткуда, – вмешался вдруг второй студент, Костя. – Его отец был американец.

– Костя, не пори чушь, – возразил Вениамин. – Он русский.

– Сам не пори.

– Скажешь, он не Медовников?

– Медовников. Но только это фамилия отчима, а не отца.

– Чего?!

– Что слышал, Веня. Может, снова поспорим? – ехидно предложил Костя и протянул руку.

Видимо, у этого вопроса была какая-то подоплека, потому что толстяк, несмотря на всю свою уверенность и запальчивость, заключать пари не спешил и смотрел на приятеля с подозрением. Про Турецкого спорщики забыли напрочь.

Александр Борисович вздохнул и достал корочку Генеральной прокуратуры.

– Ну вот что, господа студенты, запишите мне свои телефоны и давайте побеседуем в удобное для всех время.

– Зачем это? – слегка побледнел толстяк Веня. Секретарша злорадно хихикнула.

– А поговорим за искусство, молодые люди.

– Так чего тянуть? – сказал Костя. – Давайте прямо сейчас.

– Сейчас мне нужно найти Буцаева. Кстати, не знаете, где он может быть?

– В столовой, – сказал Веня.

– В спортзале, – возразил Костя. Видимо, они спорили по любому поводу.

– А где спортзал и столовая?

– На первом этаже, – ответили они синхронно. – А мы... можем быть свободны?

– Вечером заеду к вам в общежитие, – грозно посулил Турецкий.

БУЦАЕВ

Каскадер Буцаев был приземистым, коренастым парнем в довольно убогой одежде. Впрочем, возможно, это была рабочая амуниция. Турецкий разыскал его в спортивном зале – прав оказался Костя.

Буцаев дрался с тремя противниками-студентами. Это был учебный бой. Ударов никто не наносил: студенты – потому что он не давал им такой возможности, Буцаев – чтобы не покалечить. Турецкий засмотрелся: было в этом что-то неправдоподобно оперное, но зрелище, нельзя не признать, завораживало. Забавно было, что все происходило под громкую музыку какой-то попсовой песенки из «Фабрики звезд».

Буцаев уложил всех троих на маты, поймал на себе взгляд Турецкого и сразу подошел к нему.

– Меня Коломиец предупредил, что вы приедете.

На первый взгляд Турецкий дал ему лет двадцать шесть – двадцать восемь, но в ходе общения менял это мнение, постепенно прибавляя по три-четыре года, пока не остановился в районе сорока пяти.

Из-за громкой музыки говорить было трудно, и Турецкий показал на уши: нельзя ли, мол, приглушить? Приглушили.

– Когда я был моложе, – сказал Буцаев, – то любил более сложную, так сказать, серьезную музыку. Но чем больше я погружался в кинематографическую работу, тем больше скатывался к низким жанрам.

– Почему же это?

– Дело в том, что как раз вот такие простенькие, стопроцентно попсовые мелодии чаще всего служат источником грубого вдохновения. Очень трудно вдохновиться сложной, утонченной музыкой. Когда я работаю, я слушаю попсу. А настоящая музыка требует совсем другого состояния. Вот и студентов так же учу.

– Понятно. Расскажите, как вам работалось с Мэдисоном.

– Непросто.

– Почему?

– Потому что главный его принцип – никаких звезд.

– А вы, значит, считаете себя звездой?

Это было любопытно, до сих пор Турецкий не слышал, чтобы каскадеры играли в кино приоритетную роль. Он почувствовал тут возможную лазейку для своего расследования.

– Я всего лишь требую к себе адекватного отношения, – уклончиво высказался Буцаев.

– Так почему Мэдисон не любит звезд? Потому что у его фильмов денег мало?

– Деньги ни при чем. Мэдисон считает: нельзя, чтобы актер затмил собой все. Звезды, мол, хороши для триллеров. А у него особое кино. И нельзя, чтобы люди приходили на фильм с уже готовым мнением. Они должны увидеть просто доктора или сантехника, а не Де Ниро в этой роли.

Похоже, лазейки никакой не было, просто перед Турецким стоял еще один киноманьяк. Ничего нового о дне исчезновения Мэдисона Буцаев не сообщил.

– Кстати, как вы с ним познакомились?

– Он увидел меня в одном американском фильме.

Турецкий кивнул, чтобы скрыть свое невежество, и отправился ужинать в институтскую столовую. После чего поехал в общежитие. Там, помимо киноведа Кости и режиссера Вени, он несколько часов кряду проговорил с еще несколькими студентами:

– режиссером Мартой Юркевич,

- сценаристкой Таней Михолап,
- оператором Юрцом (именно так он просил его называть) Клементьевым,
- актером Шумахером,
- еще одним режиссером, Ильей Ермиловым.

Все это была общая компания молодых энтузиастов своего будущего дела. Студенты объясняли Турецкому, как делается кино, спорили о достоинствах Мэдисона и Плотникова и, кажется, знали обо всем на свете. Ермилов показался Турецкому наиболее примечательным из всех. Этот парень был очень себе на уме и что-то знал про себя и про остальных. С ним безусловно стоило продолжить общение.

ПЛОТНИКОВ

Когда Турецкий уже садился в машину, припаркованную у общежития, у него зазвонил мобильный.

– Александр Борисович, надо поговорить.

– А это кто?

– Казаков.

Теперь Турецкий узнал голос продюсера, прозвучавший с некоторой досадой. Ага, значит, тщеславия не чужды не только режиссеры.

– Ну, говорите, я слушаю.

– Не по телефону.

– Тогда приезжайте завтра на Большую Дмитровку.

– А что у нас на Дмитровке?

– Генпрокуратура.

– Еще хуже. Не хочу, чтобы меня у вас видели.

– Так где же тогда? – стал терять терпение Турецкий. – На «Мосфильме», что ли? Или у вас, на Кутузовском?

– Давайте во ВГИКе. Прямо сейчас. У меня занятия с заочниками, скоро закончатся. Подъезжайте. – И Казаков дал отбой.

Однако наглец, подумал Турецкий. Но ничего не поделаешь, информация была нужна, и пришлось ехать, тем более не смертельно – совсем недалеко.

Через полчаса с небольшим Турецкий подкараулил Казакова во вгиковском коридоре. Продюсер поздоровался и сказал без обиняков:

– Я был не прав. У Плотникова есть мотив. Я подумал, что это, не исключено, важно и срочно.

– В прошлый раз вы решительно отвергли эту идею.

– А теперь кое-что случайно узнал.

– Ну-ка, ну-ка? – заинтересовался Турецкий.

– Мэдисон перешел ему дорогу. Совсем недавно.

– Конкретней.

– Конкретней не могу. Поверьте на слово.

– Я – юрист, – напомнил Турецкий. – Я не могу верить на слово.

– А я – продюсер. Я вообще не обязан говорить правду. И обязан хранить профессиональные отношения в тайне. В этом суть моей профессии. Постарайтесь дальше разузнать все сами.

– Ладно, спасибо и на том. Хм... Что же это может быть? Не женщину же он у него отбил? ... Работу, что ли, не поделили?

– Как вы догадались?! – оторопел Казаков.

– А что остается? Оба на своем кино повернуты. Ну ладно, сказали «а», говорите и «б». В чем тут дело?

– Это между нами? – обреченно вздохнул Казаков.

– Свои источники не выдаю, – сухо ответил Турецкий.

– У Плотникова на американца зуб. Плотников должен был снимать фильм в Японии. Дело было на мази, контракт подписан. И тут Мэдисон прислал япошкам свой сценарий, который им так понравился, что они Плотникова бортанули.

– И что, это большой секрет?

– Чтобы соблюсти лицо, Плотников преподнес это дело так, будто отказался сам. Поймите меня правильно, Александр Борисович, я сотрудничаю с ними обоими.

ТУРЕЦКИЙ

- Саша, знаешь, ты бредил, – сказала утром Ирина с явной тревогой.
- Что? – удивился Турецкий.
- Ты постоянно говорил во сне. Такого раньше не было... Я записала.
- Серьезно?!

Она молча протянула ему лист бумаги. Турецкий прочитал:

«Переменное фокусным расстоянием. Панорамирование. Прерывистый монтаж. Синхронизация. Фокусировка... Дубляж... Инерция зрительного восприятия».

Турецкий расхохотался:

- Ирка, ради бога, оставь в покое мои сны!
- Он глотнул кофе, принял душ и уселся завтракать.

Зазвонил телефон.

- Ты спишь там, что ли?! – раздался разгневанный голос Меркулова.
- Я работаю, – сказал Турецкий, просматривая «Спорт-экспресс».
- Твое место работы – в Генеральной прокуратуре!
- Костя, ты чего такой злой? Когда это тебя волновало, за каким столом я над бумажками сижу?

– Получено требование о выкупе.

– А кем получено?

– Тобой.

– Как это?! – изумился Турецкий.

– Вот так! И мной тоже. Заглянул в почтовый ящик, а там – такой сюрприз. А в строке «копия» твой адрес указан. Нам обоим послали сегодня ночью.

– Откуда они знают про меня? – механически спросил Турецкий.

– Сам подумай, голова садовая, с каким количеством людей ты успел переговорить за эти несколько дней! Похитители среди них.

– Так они что же, хотят, чтобы прокуратура платила?! Наивные люди.

– Они хотят, чтобы мы сообщили заинтересованным лицам – американцам и нашим.

– Разумно... Информация от нас будет выглядеть серьезно... И сколько требуют?

– Сто тысяч.

– Так мало? – удивился Турецкий. – А куда прислать?

– Открой почтовый ящик и прочитай сам!

Турецкий так и сделал.

Культурное достояние человечества – Стивен Дж. Мэдисон – находится в полной безопасности, но в столь же полной изоляции и бездействии, пока за него не будет выплачен выкуп в 90 000 долларов. Деньги следует положить в контейнер на крыше дома № 6 по улице Сергея Эйзенштейна завтра в 8 часов утра. Если выкуп заплачен не будет, Мэдисон не снимет больше ни одного кадра.

Меркулов снова позвонил.

– Ты прочитал наконец?

– Да.

– Как тебе это любовное послание? И как последняя фраза? Что это значит, а? Его убьют?

– Необязательно. Может, выколют глаза. А ты хочешь проверить?

– Не болтай. Скажи лучше, что думаешь насчет этого места – крыша дома, контейнер?

– Да ничего не думаю. Обследуем все, посадим спецназ и сцапаем гадов. Сами же нам задачу упрощают. Туда и деньги-то класть не обязательно.

– Хм, хм... – сказал Меркулов.

– Что такое?

– Я, видишь ли, сообщил уже в Министерство культуры и американской стороне. И если наши, как водится, в полном ступоре, то американцы... точнее, один американец настаивает на том, чтобы заплатить.

– Что за американец? – поинтересовался Турецкий.

– Продюсер Мэдисона. Он боится потерять своего драгоценного режиссера. У него с ним заключен контракт на три картины впрок, и он ему нужен позарез.

– Ну и черт с ним, пусть дает деньги, и пусть они их забирают! Проследим и возьмем вместе с Мэдисоном.

– Так и сделаем, – решил Меркулов. – А для верности «маячок» прицепим. Кстати, Саша, что у тебя нового?

– Да так, ничего особенного. Выяснил вот, что один из сотрудников Мэдисона сидел за ограбление банка.

– Ничего себе! Киношник?!

– Ну да.

– Кто же это?

– Каскадер.

– Что же ты молчал?! Давно узнал?

– Только что, когда почту просматривал.

– Планируешь какие-то мероприятия в отношении его?

– Сначала соберу информацию поподробней.

– И где же ты ее будешь собирать?

– О, – хохотнул Турецкий, – теперь у меня знакомых киношников навалом!

2006 год

ПЛЕТНЕВ

На скамейке возле ворот детского дома дремал пожилой охранник в очках, скрепленных на переносице скотчем. В будке у него звонил телефон, но охранник не реагировал – только поправил во сне съехавшие очки.

Раздался автомобильный гудок. Один. Другой. Третий.

Охранник наконец проснулся, помотал головой и заковылял к воротам. За воротами стояла черная «Волга» с проблесковыми маячками. Перед ней, у ворот, курил молодой мужчина в костюме и белой рубашке, но без галстука.

– Ну и чего надо? – спросил охранник.

Мужчина молча показал ему удостоверение.

Брови охранника вместе с очками поползли вверх.

– Ну?

– Понял, не дурак, – засуетился охранник, – был бы дурак – не понял бы...

Мужчина выбросил сигарету и сел за руль. Машина въехала во двор и остановилась у центрального входа. И сразу же по ступенькам сбежала взъерошенная заведующая. Из окон во двор уже выглядывали дети – с любопытством и робкой надеждой.

Из машины вышел Меркулов, протянул заведующей какую-то бумагу. Заведующая, не читая ее, мелко закивала и побежала обратно, по ступенькам.

Меркулов тем временем вернулся к машине и открыл дверцу. На заднем сиденье сидел Плетнев. Он был гладко выбрит, в цветастой рубашке навыпуск и голубых джинсах. Под глазами были синяки.

– Неплохо выглядишь, – заметил Меркулов, улыбаясь. – В сравнении со вчерашним, конечно. Ну что, пойдём?

Плетнев не шевельнулся, он смотрел прямо перед собой и, казалось, Меркулова даже не слышал.

– Нервничаешь? Вставай давай, а то людям на службу через час.

Плетнев разлепил губы:

– Константин Дмитриевич, если честно, то я ничего не понимаю...

– И не поймешь. Давай живее из машины, а то другой кто-нибудь усыновит.

Плетнев вышел из машины и уставился на детский дом.

Через мгновение с крыльца спустилась заведующая. Она вела за руку девятилетнего мальчугана с рюкзаком за спиной. Мальчик озираясь, нервничал и, кажется, тоже не понимал, что происходит.

Плетнев стоял, не шелохнувшись, замороженно глядя на него.

– Иди уже к нему, – сказал Меркулов. – Ну?

Мальчик остановился, поневоле остановилась и заведующая. Мальчик смотрел на Плетнева очень серьезно, не улыбался, но и не хмурился. Заведующая что-то ему шепнула. Мальчик сказал неуверенно:

– Папа... это ты?

– Васька...

Плетнев сделал несколько шагов вперед. Вася подошел к нему вплотную. Оглядел его критически.

– Папа, а почему ты без формы?

– Я... я в отставке, Васька, – сказал Плетнев слегка подрагивающим голосом.

– Ага, ага. То есть ты больше не на работе? – сделал вывод Вася. – Это хорошо... Значит, ты теперь все время будешь со мной? Если только ты правда меня забираешь...

Меркулов пихнул Плетнева локтем, и тот наконец очнулся – схватил сына, оторвал его от земли, прижал к себе.

– Васька...

Меркулов посмотрел на часы. У Турецкого как раз сейчас было «приемное время» – пару раз в сутки ему давали телефон, но ненадолго, иначе он забывал обо всем.

– Привет, пес в очках! – сказал Меркулов.

– Не понял.

– Это я шучу. Дела идут на лад. Плетнев будет сотрудничать.

– И это все?

– Пока все.

– Шевелитесь быстрее, – проворчал Турецкий и отключился.

– И тебе жениха хорошего, – сказал Меркулов уже в пустую трубку.

ЩЕТКИН

Петр Щеткин сидел в пустом библиотечном зале и сосредоточенно просматривал подшивку старых газет. Периодически он что-то отмечал и записывал себе в блокнот. На столе перед ним стоял термос-кружка с холодным чаем. Щеткин, не глядя, отработанным движением протянул к нему руку, открыл, налил, выпил, закрыл – все так же, не глядя.

По залу развязной походкой прошел человек. Он остановился за спиной у Щеткина и с интересом посмотрел через его плечо.

Щеткин почувствовал себя некомфортно и обернулся. Он увидел мужчину лет тридцати пяти. Взгляд его был каким-то скользким, но в нем читалась жестокость, даже беспощадность. Сразу же становилось ясно: такой человек не может внушить ни доверия к себе, ни симпатии.

– Что пишут? – дружелюбно спросил мужчина. – Инфляция? Голод в Африке? Похитители тел из космоса?

Щеткин посмотрел на него с недоумением. Мужчина показался ему знакомым. Кажется, где-то он его уже видел... Или просто совпадение?

– Извините?

Мужчина отогнул лист газеты.

– Газетка-то старье! Я в восьмой класс пошел, когда ее напечатали... – И он прочитал вслух: –

«...И несмотря на так называемую эпоху гласности, до сих пор замалчивается факт участия Советского Союза в гражданской войне в Анголе и столкновениях ее с Южно-Африканской Республикой...» Занимательно. Очень занимательно, Щеткин... Историей увлекаешься?

Мужчина присел рядом со Щеткиным. Щеткин спросил с раздражением:

– Что вам, собственно, нужно? Откуда вы знаете мою фамилию? И почему вы мне тыкаете?!

Мужчина ответил только на один вопрос – сказал весело:

– Мне-то ничего не нужно. А вот тебе явно адвокат понадобится. Я здесь, чтобы сообщить, что ты арестован, Щеткин.

Щеткин невольно поднялся. Мужчина продолжал сидеть. Щеткин чувствовал противный холодок, который прополз между лопаток. Да что же это такое, черт побери?!

– Представься, придурок! – сказал Щеткин, побагровев от злости.

– Капитан Цветков, Министерство внутренних дел, – сказал мужчина. И почему-то непоследовательно перешел на «вы». – Это вы невежливо сказали, гражданин Щеткин, очень невежливо. Зря. – Он встал, вынул из внутреннего кармана «корочку» и... локтем этой же руки резко ударил Щеткина в подбородок.

Щеткин согнулся от боли.

Цветков улыбался все шире, определенно у него было хорошее настроение. Он помахал корочкой перед искривившимся лицом Щеткина:

– Смотри-ка, ты умудрился оказать сопротивление работнику милиции... – Цветков крикнул в сторону двери: – Ребята, забирайте его!

В зале тотчас появились двое дюжих молодцов с короткоствольными автоматами.

ПЛЕТНЕВ

Плетнев склонился над компьютером в кабинете Меркулова. Он смотрел то в монитор, где мелькали фотографии с места взрыва, то на спящего в глубоком кресле сына.

Меркулов стоял у окна и попеременно пил кофе и сосал валидол.

Они работали уже пятый час кряду и немного устали.

Плетнев покосился на Васю и сказал:

– Лучше бы нам все-таки домой поехать. А, Константин Дмитрич? – Его отношение к Меркулову претерпело коренное изменение за последние два дня – стало почтительно-уважительным.

– Имей терпение. Там сейчас порядок наводят. Еще пара недель косметического ремонта. Тебе самому разве не стыдно сына в такой свинарник приводить?

Плетнев вздохнул, покивал:

– Свинья я, конечно, это вы верно сказали. Свинья и есть.

– Не говори ерунды, – рассердился Меркулов. – Рассказывай лучше, что к чему.

Плетнев в очередной раз покосился на Васю:

– Константин Дмитриевич, а я вас ведь даже не поблагодарил за сына... Константин Дмитриевич! Вы даже не представляете, что вы за человек...

– Так, хватит! – грубовато оборвал Меркулов. – Давай-ка отойдем от комплиментарности. Лесть не меньше хамства затрудняет восприятие. К делу, я сказал!

Плетнев кивнул с облегчением:

– Это было в восемьдесят седьмом. В самый разгар боев с ЮАР... Мы даже называли город Куиту-Куанавале ангольским Сталинградом. Там сплошная каша была... А советское правительство отрицало даже само наше присутствие в Африке, притом что наши чуть не сотнями в плен попадали... Помню, ребята песню сложили такую дурацкую: «Нас тут быть не могло», что-то в этом роде... – Плетнев помолчал. – Для меня Ангола – это было только начало. Я, правда, на вертолетах не летал, мы в джунглях сидели, на реке Кубанти... – Он усмехнулся. – Мы ее Кубань называли...

– Что вы там делали?

– Набирали диверсионные отряды из местных племен. База у нас была – человек двадцать. По фамилиям мы друг друга не знали. Такие правила. Только имена и позывные.

Меркулов спросил:

– По фотографиям сможешь их опознать?

– Кого? – не понял Плетнев.

– Тех своих друзей, у кого были амулеты.

– Я-то смогу. Но, собственно, откуда вы возьмете эти фото? Мы же там нелегально были.

– Не твоя забота.

– Ну а все-таки?

– Я сделал запрос в ФСБ, – признался Меркулов. – Должны прийти личные дела всех, кто так или иначе имел отношение к тем вашим подвигам в Африке.

– Вряд ли они вам что-то дадут.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что они никогда ничем не делятся.

– Посмотрим, – неопределенно ответил Меркулов. – В принципе я предусмотрел такую возможность.

– Не дадут, – повторил Плетнев. – Но все равно интересно...

– Что именно?

– Всегда хотелось посмотреть свое досье. Дадите взглянуть?

– И не мечтай. Маленький, что ли? Это, знаешь ли, закрытая информация. – Меркулов прищурился. – А вот так, навскидку, можешь сказать, кто из твоих сослуживцев мог бы заняться подобными вещами?

– Чем именно?

– Ну, там, специалисты по взрывам, например?

– Да какие специалисты? – пожал плечами Плетнев. – Тоже мне сложная работа... Любой мог!

И я могу. Изготовить бомбу при наличии армейского пластида – час работы.

Меркулов посмотрел на него испытующе:

– Так сколько все же осталось в живых из вас семерых?

– Не меньше пятерых, я думаю, вместе со мной. Потом бог знает, куда они после Африки подевались. Нашли, наверно, что-нибудь себе по душе. Для псов войны на нашей маленькой планете всегда найдется работа. Может, кто-то до сих пор воюет... А может, в офисе сидит, медитирует, пиво пьет, на амулет пялится.

– Хм... А ты сам почему его носишь? Столько времени все же прошло.

Плетнев пожал плечами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.